

*А.А. Каздым,
Москва, Россия*

ВЕТЕР

Слышишь голос степи?
Этот голос пустынный,
Пусть поможет сплести
Ветру слов паутину.

Не тревожь, не буди
Этот тихий и сонный,
Это голос степи, этот голос степи,
Монотонный.

...Видишь белый ковыль
встрепенулся под ветром,
Над дорогами пыль
подняла километры?

...Здесь на тысячу верст
Только степи, да степи
Словно шелест берез
Не на этой планете...

...И вот в этой тиши
Под убийственным солнцем
Проплывут миражи, проплывут миражи

К ГОРИЗОНТУ...

Было ещё раннее утро, но солнце уже нагрело палатку. Луч света, пробравшийся через дырку в крыше, играл с пылинками.

Лагерь живописно расползся в долинке между гранитными, кажущимися розовыми в лучах восходящего солнца, поросшими темно-зеленой арчой сопками, и глубоким сухим руслом, пробитым потоками воды.

Вдалеке, в крохотной, серебрившей на ветру ольховой рощице, у почти пересохшего ручейка, был чистейший родник и бочажок, откуда можно было брать пресную воду... Больше воды в округе, километров на 200, не было, за исключением полупересохших, мутных бочагов реки Сары-Су и немногочисленных грязных и солоноватых колодцев для скота, окруженных кольцом вытопанной копытами овец и уплотненной до прочности бетона почвой.

Несколько выгоревших на безжалостном казахстанском солнце, почти белых палаток, трепыхались на утреннем ветерке... Ветер здесь был всегда, он не преследовал, не надоедал, он просто был. Он был здесь и сотни, и тысячи лет назад, и это он, ветер, вылизал до гладкости эти

красноватые гранитные скалы, перекрутил, перекорезил, высушил арчу. К нему можно было привыкнуть, его можно было бессильно ругать, когда неожиданный порыв ветра легко смахивал палатки, выдирая полуметровые железные кольца, вколоченные в трещины скал, и как нитки, лопались толстые веревки, трещал, разрываясь, брезент. Ветер просто был, он был всегда, он затихал на два-три часа ночью, и потом начинал задуть снова и снова. То жаркий и знойный южный и юго-западный, то прохладный, северный...

А дождя не было, тучи пронеслись над сопками и степью, гремел гром, сверкали молнии, вытер дул всё с новой и новой силой, но на сухую землю, гранит сопки и скосбоченную арчу падали лишь жалкие капли – дождь испарялся над раскаленным, прокаленным солнцем Казахским мелкосопочником.

Потрепанная жизнью, судьбой и тысячекилометровыми пробегами, машина, ГАЗ-66, названная шофером «Клавочка», сиротливо трепыхала выцветшим и рваным брезентом фанерной будки.

Сам шофер, чья лохматая голова виднелась из-за поднятой кабины, ковырялся в моторе, по привычке разговаривая и с машиной, и с самим собой, периодически срываясь на истерический крик и матерщину, когда что-то не получалось... Как он с такой издерганной психикой попал в шофёры - вообще загадка, и был он, вероятно, одним из самых невезучих водителей с автобазы. В поле он поехал в первый раз, машину ему дали старую, и по дороге от Москвы до «бескрайних степей Казахстана», его постоянно преследовали неудачи. То чуть не отваливался бензобак, то порвались приводные ремни и он чудом не «улетел» в кювет из-за заклинившего гидросилителя руля, то грелся и постоянно глох двигатель, то отрывалась на ходу тяга привода газа, то спускало колесо... Поэтому ежеутренние и ежедневные «упражнения» с «Клавочкой» были так же обычны как ветер и длительное питье утреннего чая, под еще нежарким солнцем, под неспешные разговоры и обсуждения дел и поездок на сегодня.

Чай, горячий крепкий чай, печенье, разговоры. Торопиться вообще-то было некуда, погода была всегда, пешком взбирались только на сопки, поездка 30-50 километров по долине много времени не занимала.

Чай уже был выпит, надо было бы уже и ехать в маршрут, когда шофер, вытирая грязной тряпкой перемазанные маслом руки, наконец-то соизволил подойти к столу. Он в некотором роде был «элитой», вторым, а то первым после начальника отряда, так как без него, без машины, не был бы маршрут, остановилась бы вся работа, да и выбраться из этой глухомани, когда до ближайшего поселка, где было почта и телефон, добрая сотня километров по ухабистым степным дорогам, было бы без машины крайне тяжело.

Где-то кочевали отары овец, где-то ютилась крохотная метеостанция, где-то были пустые «отделения» неведомых колхозов. Но что было бы делать, чем бы там могли помочь, если шесть человек, вместе с двумя тоннами груза застряли бы здесь, в лощинке, у неведомого ручейка, у подножия неназванных сопки? Сообщить, да ждать машину в помощь с базы из Щучинска, почти за тысячу километров – а это не менее чем две недели...

Так что лохмотому, явно пренебрегающему правилами гигиены шоферу многое прощалось - и его хамство, и матерщину, и грязные руки за столом. Он понимал, что его не любят, но и прекрасно видел, что от него все зависят, что без него не обойтись, что его надо просить и упрашивать, и

поэтому старался держаться независимо-хамовато, что при его щедедушном телосложении выглядело часто забавно.

Шофер был постоянным объектом для насмешек и шуток рабочего-лаборанта отряда, здорового высокого парня, по прозвищу «Слоник», бродяги и туриста, бывшего студента, выгнанного за «систематическую неуспеваемость и прогулы». Он был в поле уже почти 5 месяцев и объездил половину Казахстана, собираясь объездить и вторую. «Слоник» славился тем, что в одиночку мог выкатить или вкатить в кузов машины 200 литровую бочку с бензином, двумя-тремя ударами пудовой кувалды откалывал от монолитных гранитных скал образцы весом в 15-20 килограмм и съедал за ужином тройную порцию первого и второго.

- Ты бы, Серёжа, руки хоть бы помыл – неодобрительно и строго сказала повариха, - грязные же!

- Это техническая грязь, - важно заявил шофер.

- Ничего, ему с солидомом слаще, да глистов не будет, - встрял в разговор «Слоник», закуривая уже третью сигарету. - Всегда сидим и ждем «бортмеханика», пешком было бы дойти быстрее, через сопки. Всего-то напрямик, 10 километров...

- Вот и иди, - взвизгнул шофер, - я тебя не повезу! Пешком ходить будешь! Я машину отремонтировал!!!

- Ломать не надо, не будешь и ремонтировать. Когда руки из... -

- Так, тихо, ребята без ссор и криков, – прервал начальник отряда. - Планы на сегодня... Едем далеко, по долине, километров за 100, отбираем по профилю пробы, и едем на весь день! Воду и «сухпаяк» с собой! Инструменты и мешки готовы?

- Готовы, готовы, товарищ начальник, лишь бы «Клавочка» не чихала, а то простудилась видать на ветру... А «доктора» у нас сами знаете какие... «Айболиты»! Им бы клизмы ишакам ставить...

Шофер вскочил и, махая руками, хотел сказать что-то обидное, но поперхнулся чаем, и закашлялся...

«Слоник» молча поднялся, треснул его ладонью по спине так, что шофер аж присел, и не спеша пошел к своей палатке за инструментом. Фальшиво напевая «На пыльных тропинках далеких планет...» он с лязгом выволок связку полуметровых зубил, несколько кувалд, ломы, кирку, мешки для проб...

- Ох, и поработаю я сегодня, - и закрутил пудовой кувалдой на длинной ручке над головой, да так, что пошёл свист...

Был он «вечный студент», категорически не желавший учиться и бродяга по жизни... Как только наступала весна, у него, как он выражался, начинался «полевой зуд» и он спешил куда-нибудь уехать. Ранней весной, в начале марта, то уезжал с зоологами в Туркмению, «считать джейранов», то с орнитологами, то с географами, то с почвоведом, ходил в маршруты, часами смотрел в бинокль за всякой живностью, рыл шурфы и почвенные разрезы, отбирал пробы, даже кашеварил. Впервые в «поле» поехал ещё старшеклассником, с археологами, потом поступил, как он выражался «сдуру в какой-то институт, в какой не помню», объездил за несколько лет с экспедициями полстраны, набрался полевого опыта, нахватался кое-каких знаний и разных научных терминов, которыми очень любил щеголять.

Жил он один, в большой, «армейской» палатке, где был ещё и склад, устроился разумно, с комфортом, как всегда устраивался в «полях», со столиком из «вьючника», огарком свечки в фигурно обрезанной консервной банке, обязательной пачкой сигарет, спичками и кружкой с чаем. На

раскладушку он подложил ещё пару запасных спальных мешков, и, вбив в несущий двухметровый кол массу гвоздей, развесил одежду, фляжки, полевую сумку и разную мелочь.

Ходил «Слоник» исключительно в стоптанных кирзовых сапогах, защищавших по его словам «от острых камней, скорпионов, колючек и змей», выцветшей потрёпанной «энцефалитке» и таких же штанах, подпоясываясь ремнем, на котором болтался устрашающих размеров нож, армейская фляжка и армейский же подсумок с разной мелочью, типа спичек и сигарет. Несмотря на столь «грозный» полувоенный вид и выбеленную солнцем военную же шляпу, в армии он «не служил и не собирался», и его любимой фразой были слова: «Я и Советская Армия - понятия несовместимые!». Вообще-то призывами, весенним и осенним, частично и объяснял его «полевой зуд», он просто удирал от военкомов, а когда являлся домой уже поздней осенью, а то и вообще в декабре - не открывал дверь и не подходил к телефону. Так он «тянул» уже несколько лет, и с нетерпением ждал, когда же ему наступит 27 и можно будет начать «новую жизнь». Таких «полевых бродяг» в 70-80-х годах в Москве было достаточно, их охотно брали рабочими, лаборантами или техниками на сезон, опыт полевой работы у них был, за «длинным рублем» особо не гнались, а что хватало гонору и хвастовства, что мол «...и там я бывал, и помню, был случай...», так это «по молодости» и всегда прощалось.

Геологи позавтракав, разошлись по палаткам, собираться в дорогу, только водитель долго пил чай, хотя и видел, что ждут только его...

После томительного ожидания, все, наконец, расселись в машину... Стартер заскрежетал до зубной боли, мотор «чихнул» пару раз и заглох... Шофер стал истерически матерится...

- Лучше б нам ишаков дали... Или ещё лучше – верблюдов, - как бы ни к кому не обращаясь, громко сказал «Слоник». - С них хоть какой толк есть, работают хорошо, матом не орут, да и шерсти можно настричь! А с этого «водителя кобылы» никакой пользы, кроме вреда...

Шофер начал что-то орать в ответ, но в это момент, машина, «чихнув» ещё пару раз и выпустив шлейф черного дыма, завелась. Заскрежетала коробка передач и «Клабочка», переваливая на камнях и гремя инструментами в кузове, выехала из долинки на дорогу... Точнее это была не дорога, а обычная колея, накатка, проложенная неизвестно когда, может и в годы войны, когда здесь добывали то ли вольфрамовую руду, то ли еще что-то. От тех времен остались развалины какого здания, сложенные из гранитных обломков, узкая глубокая канава и небольшая штольня. В штольню «Слоник», вспоминая своё «спелеологическое прошлое», лазил раза три, ничего интересного не нашел, и потерял к ней всякий интерес, но с общего молчаливого одобрения всего отряда, даже спокойного, быстро улаживающего любые конфликты начальника, Бориса Александровича, уверил шофёра, что там, в штольне, водятся летучие мыши-вампиры... Шофер поверил, и теперь спал исключительно в машине, плотно закрывая дверь и даже залатал брезент будки. Он вообще боялся всех летающих, ползающих, прыгающих и прочую живность, при виде фаланги или скорпиона истерически орал, а любая безобидная ящерка приводила его в трепет. А уж щитомордники... Однажды он, отойдя в сухое русло «по делам», «неожиданно почувствовал, что на него кто-то смотрит». Обернувшись, увидел здорового, как он говорил, «с ногу толщиной» щитомордника, большую (до метра длиной), ядовитую, но довольно безобидную змею (если её не трогать), греющуюся на камнях... Бедный

московский шоферюга совершил олимпийский прыжок с места вверх на почти два метра и дико крича «Змея, змея!», рискуя сломать ноги на камнях (а ходил он исключительно в домашних шлепанцах), помчался к лагерю. Его отпаивали валерьянкой, начальник из личных запасов выделил «100 грамм полевых», и после этого водитель, перед тем как куда идти, бросал камни и громко кричал, пугая, как он выражался, «ползучих гадов», а в темноте и уж тем более ночью, вообще старался из машины не вылезать.

«Слоник», под смех отряда, долго выяснял, куда его укусил щитомордник и не требуется ли ампутация, демонстративно натачивая на оселке свой огромный самодельный нож с ручкой из оленьего рога, и рассказывая всякие истории о змеях (проработал сезон с серпентологами в Каракумах), кого куда укусили, и как «умирали в страшных, нечеловеческих муках».

Выезд в долину реки, вдоль которой предстояло работать, был один – дорога шла через узкое ущелье, которое громко именовалось «Волчьими воротами», хотя кое-где фанерная будка ГАЗ-66 и шаркала по скалам.

Пробравшись через ущелье, исхлестанная ветками кустарника, машина вышла на простор, ветер загудел в будке, захлопал брезент. Набирая скорость «Клавочка» понеслась по степи, по долине реки Сары-Су, «Желтой воды». Мелькала серо-желтая, выжженная солнцем степь, ветер крутил пылевые смерчи, в жарком мареве розовели и белели сопки, сверкали небольшие бочаги, поросшие ивой и ольхой. В бочагах при желании можно было и порыбачить, и однажды «Слоник», отпросившись у начальника, сбегал как-то поутру за 10 километров к ближайшему бочагу и притащил двух здоровенных щук, поймав их в марлевый полог от палатки, чем и вызвал безумную зависть шофёра, а также получил выговор от начальника «за порчу казённого имущества».

Кое-где на сопках зеленели сосны и вездесущая арча, а в долинках между сопкок серебрились ольховые рощицы.

Неожиданно шофер «дал газа» и что-то крича, помчался в сторону от колеи, по степи, выжимая из машины всё. Впереди, в пыли, мчалось, наклонив рогатые и носатые головы, стадо сайгаков. Их здесь было очень много, они бродили по долинам, периодически кто-то их стрелял, браконьерствовал, и к ним в лагерь как-то приехал казах-егерь, попил чаю и водки, поспрошал, есть ли оружие, подозрительно осмотрел кухонную палатку. Но получив отрицательный ответ, бутылку спирта и две пачки чая, уехал восвояси и больше не появлялся...

...В штольне, в глубине, были спрятаны две 40 литровые фляги изпод воды с засоленной и переложенной крапивой сайгачатиной... Сговорившись с местными метеорологами, съездили ночью на охоту на машине, а добычу поделили ... Так что теперь на ужин или обед всегда было свежее мясо.

Догнать, точнее, загнать сайгака в степи можно было только в одиночку на мотоцикле, а на машине просто бесполезно, стадо разделилось, крупный рогач увел самок и молодежь, а оставшиеся самцы не спеша, отвлекая и как бы дразнясь, бежали впереди машины. Потом они резко свернули в сторону и исчезли в пыли...

- И чего машину гробить, - пробурчал «Слоник», - все равно не догонишь, да и мясо пока есть... Охотиться надо, когда пищи нету, а так это бойня. - И «Слоник», пользуясь случаем, стал выражать свои взгляды на охоту и «уменьшение численности животного мира». Слушали его с

интересом, так многие факты он почерпнул не далее, как ранней весной этого года, поездив по заповедникам Средней Азии с зоологами.

В машине, в кузове (начальник сидел, по обыкновению, в кабине), был ещё пожилой геолог, Дим Димыч, зам. начальника отряда, «ответственный за финансы», молчаливый обладатель огромной и роскошной черной бороды, которую по утрам, пока шофер пил чай, он тщательно расчесывал перед зеркалом машины, приводя того в бешенство, что «ему опять все зеркала посбивали, и он на задку ничего не видит» и студентка-дипломница из МГУ, Маша. Она была, как говорили в отряде, «младшенькой», происходила из очень интеллигентной, профессорской семьи, чуть ли не музыкантов, её шокировали «шоферские выражения», хотя многих слов, она, судя по всему, просто не понимала. «Слоник» пытался за ней неуклюже и безуспешно ухаживать, «травил» бесконечные полевые байки, стараясь произвести хоть какое-то впечатление, всячески помогал, высаживал из машины и подсаживал, а если она уходила в небольшие самостоятельные маршруты, тут же вызывался её сопровождать, таскал её рюкзачок. Вообще всё было как обычно и как всегда безуспешно...

- Да, её сердце принадлежит другому, и куда уж нам «с кувшинным рылом да в калашный ряд», - глядя вечерами на Луну и покуривая, философски вещал «Слоник». - Будем ждать лучших времён, да и мне вообще ещё женится рано, я ещё на Чукотке и Камчатке не был...

- Да куда тебе женится, ты из полей не вылезашь, - смеясь, говорила повариха. - Тебя не одна жена ждать не будет! И на себя посмотри, бородачи нечесаная, руки грязные, тельняшка сколько уж нестирана!

- Хорошая жена подождет – а плохая мне и не нужна, и дело не в форме, а в содержании! - философствовал «Слоник». - А пока я при кухне, мне вообще ничего не надо, был бы чай да сушки!

Повариха была художником, приехала «кашеварить» и писать картины в свободное время, а так как накормить 6 человек два-три раза в день (уезжали обычно с утра и часов до 5-6 дня) – дело не хитрое, она за три недели успела написать уже пару картин и сделать несколько набросков, всё местные пейзажи – сопки, степь, палатки в долинке. «Слоник», абсолютно не умеющий рисовать и совершенно не разбирающийся в живописи, был в восторге от её работ, наговорил кучу комплиментов, расспрашивал о художниках, помогал по кухне, за что и получал во всякое «неурочное» время крепчайший чай с его любимыми сушками.

Он в отряде был «ответственным за всё», не только за отбор проб и инструменты. Грузить и разгружать машину, съездить за водой, поставить палатки, зашить их после очередного порыва ветра, что-то носить, помогать... Ему нравилось быть «завхозом-грузчиком», хотя и был он лентяй, от работы старался отлынивать, любил посидеть, попить чаю, покурить, поболтать со студенткой или поварихой или просто походить по близлежащим сопкам, забираясь повыше, любуясь пейзажем и фотографируя.

...Долина реки постепенно расширялась, сопки мельчали, уходили вдаль. А ещё дальше река почти пересыхала, теряясь в глинах и солончаках Великой Безводной Бетпак-Далы. Свернув к сопкам, и подъехав почти к их подножию, машина остановилась. Облако пыли быстро унесло ветром, «Слоник», первым выпрыгнув через борт, галантно подал руку практикантке, и что-то по обыкновению фальшиво напевая, выгрузил из кузова инструмент, привычно вдел лямки рюкзака, закурил и быстрым

шагом, неся на плече более 20 килограммов «железа», пошёл догонять шедших налегке геологов.

Дойдя до вершинки сопки, отряд остановился передохнуть. Здесь, наверху, жара чувствовалась гораздо меньше, но ветер задувал намного сильнее, сушил кожу, заглушал разговор.

Начальник осмотрелся, постучал молоком по скале.

– Ну вот, отсюда и начнем. Давай, действуй, «каменотёс» - кивнул он «Слонику».

Тот не спеша, вразвалочку, подошел к монолитной гранитной скале, критически её осмотрел, вынул из подсумка защитные слесарные очки, одел их, и сильно размахнувшись, ударил пудовой кувалдой. Полетели искры и осколки камня. Нанеся несколько ударов, он взял полуметровое зубило, вбил в трещину, и несколькими ударами кувалды поменьше, отвалил огромный блок гранита, после чего разбил его на несколько кусков. Остальные при этой процедуре старались держаться подальше, так как летящие со свистом осколки могли поранить.

- Вот, готово, товарищ начальник! Сегодня, так сказать, первый вклад в науку! -

Задачей геологов был отбор проб гранита на определение абсолютного возраста, и работа «Слоника» было особенно тяжелой физически – он отбирал эти пробы, для чего надо было отбить от скалы 10-20 килограмм гранита, отобрать чистые невыветрелые куски, загрузить в мешки, взвесить, спустить к машине, и опять подняться на сопку, взять инструмент, и идти дальше... За день отбирали обычно 10-15 проб и за месяц работы «Слоник» «набил» себе хорошую мускулатуру, чем весьма гордился.

Но и это была ещё не вся работа. В лагере «Слоник», пока остальные рисовали карты, работали с образцами, ездили в регоносцировочные маршруты, или за 150 километров в поселок, за хлебом, дробил полупудовым пестом пробы в ступке, сделанной из половины кислородного баллона, просеивал через огромное трехмиллиметровое сито, квартовал и отвешивал от измельчённой пробы один килограмм. Именно этот образец, в Москве, в лаборатории, после долгих физических и химических мытарств и превращался в абсолютный возраст породы.

Так что физической работы ему хватало, но «Слоника» это интересовало мало, парень он был здоровый, и главное, - он был счастлив, что в поле, в любимых степях, он работал, смотрел, фотографировал, набирался впечатлений, и потом, в Москве, ему было бы что вспомнить, рассказать по приезду за бутылкой портвейна таким же бродягам, как и он... Ежегодная встреча у кого-то на квартире 15 декабря была уже традицией... Но до этого было еще далеко...

Пока геологи рассматривали пробы, отбирали образцы на химический анализ и шлифы, он сидел, отдыхал, курил, помогал Маше заворачивать образцы.

День давно перевалил за полдень, жара усиливалась, знойный ветер дул с юго-запада, с Бетпак-Далы. Начальник предложил доехать до бочажка, попить чаю, перекусить, и если будет возможность, искупаться.

«Слоник» взвалил на себя тяжеленный рюкзак с пробами, на плечо инструмент и спустился к машине. Шофер как всегда спал в «будке», и «Слоник», оставив инструмент и пробы поодаль, подкравшись, гаркнул ему в ухо «Рота, подъем!», после чего стал фальшиво трубить сигнал побудки.

Водитель очумело вскочил, и, протирая опухшие от сна глаза, начал ругаться.

- Хорошо водиле в поле! Спишь себе и спишь! Я, пожалуй, тоже так устроюсь!

- Да тебя не возьмут, и «прав» у тебя нет, и в армии ты не служил!

- Я и армия – понятия несовместимые, а что «прав» нет, то так как ты водишь - и без «прав» можно обойтись!

Брэк, брэк, ребята! - сказал подошедший начальник. - Ну что такое, на десять минут оставить нельзя, опять сцепились!

- А что он в ухо орет, - тоном обиженного ребенка пожаловался шофер. - Так и оглохнуть можно!

- Всё в порядке, товарищ начальник, дорогой Борис Саньч, - тут же перевёл разговор на другое «Слоник», - образцы и инструменты погружены, личный состав на месте, можно ехать принимать пищу!

Он галантно подсадил Машу, прыгнул в кузов, закрыл дверцу, машина завелась, всем на удивление, сразу, и отряд отправился к глубокому бочажку, немного почище других.

Все расположились на травке, «Слоник» моментально «раскочегарил» паяльную лампу и чайник быстро вскипел. В теньке, на ветерке, после многочасового хождения по жаре, чай был особенно вкусен, «сухой паёк» - пара банок тушенки, хлеб и печенье долго не залежался.

- Ох, пойду-ка я окунусь, дам прошу не смотреть! - сказал «Слоник», быстро разделся, и нырнул в бочаг. – Ох, и хорошо!

Геологи также последовали его примеру, кроме Маши и шофера. Сергей принципиально не купался в бочагах, важно заявляя, что «вода там грязная», вызывая дружный смех, и советы посмотреться в зеркало.

Ранее водитель безуспешно пытался флиртовать с Машей, приглашал «покататься», норовил даже приобнять, но «Слоник» как-то отвел его в сторону и молча показал свой здоровенный кулак. Несмотря на всю свою наглость, Сергей был труслив, решил не рисковать и теперь демонстративно не обращал на Машу никакого внимания...

Выжимая бороду, из бочага вылез Дим Димыч, а за ним, отдуваясь и фыркая, выбрался и «Слоник».

- О, слоны с водопоя идут, - решил сострить водитель.

- Это ты про меня или Дим Димыча? - тут же отпарировал «Слоник», - ежели про меня - это одно, могу просто в глаз дать, а вот «зам. по финансам» обзывать... Премии лишиться можешь!

Водитель ещё в Москве был прельщён большим заработком, поэтому и поехал в «поле», деньги всячески экономил, всё время считал, сколько получит по приезду, поэтому съезжился и молча нырнул в кабину.

Через полчаса отряд отправился дальше.

Были ещё сопки, и ещё отбор проб, но часам к четырем дня жары усилилась, жаркий юго-западный суховей из Бетпак-Далы просто жёг кожу. На солнце было под 60 градусов и начальник решил ехать обратно, работа была почти сделана, а отобрать ещё пару проб можно было и в более подходящий день, выехав пораньше. Он видел, что люди устали, и даже «Слоник» несмотря на свой могучий организм, сник, и молчал, измученный жарой...

«Слоник» повидал много начальников отрядов и экспедиций, плохих и хороших, но Борис Александрович был исключением из всех... Работать с ним было одно удовольствие. Доброжелательный, спокойный, рассудительный, опытный полевик, потомственный геолог, доктор наук,

работал и в Африке, и в Индии, много рассказывал, и «Слоник» слушал его «открыв рот», даже не вставляя по обыкновению реплик.

Несмотря на его же слова, что «для меня нет авторитетов, кроме Амундсена и доктора Ливингстона», начальника он безмерно уважал и даже благоговел перед ним, расспрашивал о геологии, что-то записывал в дневник, который тщательно вёл каждый день, задавал вопросы, и, судя по всему, даже решил поступать в геологический институт, а начальник пообещал похлопотать и взять его на работу к себе в лабораторию.

Машина понеслась по степи, солнце било сзади, и в кузове было не так жарко. «Слоник» ожил, и начал рассказывать Маше какую-то очередную байку, но потом увидел, что та спит, привалившись к его плечу... Он замолчал, и сидел тихо, боясь пошевелиться и её разбудить.

Машину затрясло по камням, Маша проснулась, открыл глаза и задремавший в свой бороде Дим Димыч.

- Всё подъезжаем, сейчас чайку, поспать часок, а там и ужин!

Повариха, как всегда встречала их у кухонной палатки, стол под тентом был накрыт, чай заварен. «Слоник» перетаскал пробы в свою палатку, отнёс инструмент, и, взяв ведро, весело напевая, пошел к бочагу, облился холодной водой и ещё принес в лагерь ведро воды.

- Вот, «товарищ кок», водички притащил! С тебя две сушки!

Отряд расселся по своим местам за столом, и началось долгое питье чая. После дня, проведенного на жаре, обезвоженный организм требовал не холодной воды, ей было просто невозможно утолить жажду, а именно крепкого горячего чая. Пять человек зараз выпивали два огромных чайника, и только потом шли отдыхать.

Наступил вечер, солнце скрылось за сопками, жара немного спала, хотя гранитные скалы ещё отдавали дневной жар. Наступило время ужина, «Слоник» ел за троих, как всегда похваливая и подшучивал над шофером, что мол «кто как работает, тот так и ест».

- Правда, говорят, приказ вышел, по отрядам, что за еду будут из полевых вычитывать, поэтому кто много ест – меньше получит!

Шофер вздрогнул и подозрительно посмотрел на «Слоника».

- Правда, правда, Дим Димыч подтвердит!

Дим Димыч шутку частично поддержал, пробурчав в бороду, что всё может быть, деньги могут и урезать.

- Да что ты его пугаешь, а то он совсем есть перестанет, - смеясь, вмешалась повариха.

Но после ужина шофер потихоньку подошел к Дим Димычу и что-то долго выяснял, после чего, счастливый, чуть не вприпрыжку, побежал к машине, мимоходом показав «Слоннику» кулак.

«Слоник» долго хихикал, помогая поварихе по кухне и мимоходом жуя сушки и сахар - шутка на наивного жадного шофера явно подействовала.

Ночь наступила быстро, ветер стал прохладным, геологи собрались за столом обсуждать сегодняшний маршрут и планируя дальнейшую работу. «Слоник» посидел, послушал, но ему стало скучно, и он пошел в свою палатку, зажег свечку, закурил, и, прихлебывая чай, стал записывать в дневник события дня.

Потом он, не раздеваясь, прилег на раскладушку, и сквозь трепыхающийся полог палатки долго смотрел на звездное небо, на огромные яркие звезды, о чём-то думал, курил, может и мечтал. Незаметно он уснул,

ветер стих, была необыкновенная, непривычная тишина, лишь трещали цикады.

И прошла ночь, и наступило утро, снова был ветер, и утренний чай, и жара, и пыль дорог... И была обычная, рутинная, ежедневная работа - маршруты, километры степи, сопки и пробы.

И это было, и он был счастлив. Ибо счастье - когда у тебя есть то, что тебе надо сейчас, когда ты стоишь на вершине сопки, и твое лицо овеивает ветер, и ты видишь, как там, внизу, в степи пробежит стадо сайгаков, как в вышине парит орел, как прячется в трещинах скал, блестя маленькими черными глазками любопытная пищуха. И есть ветер, и этот «Ветер Степи», пахнущий пылью и полынью, заполняет твой мир. И это мир твой, он принадлежит тебе, и только тебе, и ты молод и свободен! И, главное, ты уверен - так будет всегда!

ГОРЫ

Горы были везде, они бы вверху, сбоку и даже внизу... Белоснежные слепящие глаз вершины уходили куда-то вверх, стеной поднимались отвесные скалы.

Машина, натужно ревя мотором, взбиралась вверх по серпантину на перевал. Слева была пропасть, и там же, внизу, синели и белели хребты, а справа прижимала стена. Дорога, бывшая караванная тропа, иногда сужалась так, что машина терлась бортом о скалы, а колеса чуть не повисали над пропастью, где зловеще шумел горный поток. Выручало только мастерство и спокойствие шофера, не одну тысячу километров намотавшего по горным дорогам.

От караванной тропы остались выдолбленные в скалах ниши в самых узких местах, а от еще более древних времён – вбитые в скалы, полусгнившие бревна. В незапамятные века дорога кое-где проходила по деревянному настилу над пропастью. В некоторых нишах зловеще белели черепа лошадей.

Серпантин причудливо извивался, на чудовищных поворотах-разворотах, у края пропасти, стояли сложенные из камней гуры с прикрепленным рулем или колесом, и, как напоминание всем, кто проезжает по этой трассе, редкие таблички с именами, датами и полустёршимися надписями: «Володя Чумаков, поехал прямо» или «Миша Крюков, уснул за рулём».

Более четырех тысяч метров – это не шутка, даже если подниматься постепенно и не спеша, дыхания не хватало и все судорожно хватали воздух. Мотор ревел от перегрузок, тяжело груженный ГАЗ-66 с трудом вскарабкался на перевал, обозначенный гуром, увенчанным черепом архара.

От перевала дорога пошла вниз, и через полчаса дышать стало полегче. Шофер Володя, бывший флотский механик, спокойный, невозмутимый и молчаливый, привыкший за годы работы к разряженному воздуху Гор, даже закурил, и с облегчением вытер потный лоб.

Самая опасная часть пути была позади, и теперь вниз и только вниз. Как гласила местная, известная на все Горы шоферская поговорка: «От Хорога до Оши все дороги хороши, от Оши и до Хорога – ох, хреновая дорога!».

Можно конечно было ехать и по трассе, и попроще, и безопасней, но эта дорога была короче, и кроме того, этого требовала сама работа. Район был ещё слабо изучен геологически, и требовалось сделать кое-какие уточнения для издания новейшей геологической карты. Несколько небольших, мобильных геологических отрядов были отправлены в разные районы Гор для отбора образцов и уточнения геологического строения

Ехать оставалось меньше сотни километров, там был большой кишлак, где можно было остановиться на отдых и ночлег, нанять парутройку ишаков, и начать пешую разведку.

Главное сейчас - чтобы не было обвала или осыпи, развернуться было просто негде, стоило опасаться и встречной машины, хотя в этих краях это и было маловероятно, здесь почти никто не ездил. Раз-два в неделю проезжали по забытым Богом и властями местным кишлакам «автолавки», да мог попасться навстречу досужий «дальнобойщик», сокращающий путь или дехканин с арбой, запряжённой ушастым, худым, флегматичным ишаком. Вот тогда кому-то и пришлось бы пятиться назад, освобождая дорогу. Но время было раннее, выехали специально, как только посветлело, а по ночам по этой дороге вообще никто не ездил, это было очень опасно.

Дорога носила громкое и трагическое название «Тропа Смерти», и это название себя оправдывало - слишком много разбивалось на ней машин, гибли люди, случались обвалы и оползни. Её давно хотели закрыть, но в одном из высокогорных кишлаков родился один из «высших партийных чинов» республики, который раз-два в году приезжал на родину проведать могилы предков. Тогда дорогу закрывали недели на две, чистили, приводили в порядок, укрепляли склоны, и так до следующего года. Как раз с месяц назад, дорога и была приведена в порядок, и ехать можно было более-менее безопасно.

Через пару десятков километров дорога резко расширилась, и впереди показалось нагромождение камней. Это был последний сложный участок, переправа через реку, а точнее ручей, совершенно безопасный ночью и утром, до полудня, и превращающийся в ревуший поток во второй половине дня, когда там, наверху, в Горах, таяли ледники.

Было всего 8 часов утра, и вода еле струилась между камнями. Было решено дать немного передохнуть уставшему от серпантина и бесчисленных поворотов шофёру, попить чаю и через час двигаться дальше.

Вынесли «вьючник» с продуктами, газовую плитку, набрали воды из ручейка, добавив чуть-чуть соли, иначе вода с ледников была слишком «пресной» и безвкусной. На высоте почти двух километров вода закипела быстро, но кипятить её пришлось ещё долго, иначе местный плиточный чай был совсем уж невкусен.

Попив чаю, отряд расселся на свои обычные места – начальник Борис Александрович сел в кабину, а в кузов степенно, не торопясь залез зам. начальника Дим Димыч, потом «молодой специалист», вчерашний студент Валера, повариха Варя, последним запрыгнул рабочий Лёша, «ответственный за хозяйство», огляделся, всё ли взяли и с грохотом захлопнул дверцу.

- Поехали! – весело крикнул он Володе.

Водитель придиричиво обошёл машину, по привычке пнул колесо, забрался в кабину. Машин завелась с «пол-оборота» и плавно тронулась с места...

Однако ровно посередине ручейка, мотор жалобно чихнул и ...заглох. Все попытки завести окончились неудачей, шофер откинул кабину и полез в

мотор. Он долго возился, чистил контакты, опять и опять пытался завести машину, но поворот ключа извлекал только шум стартера, да и аккумулятор стал садиться. Володя подошел к краю дороги, сел на камень, мрачно закурил и долго сидел, глядя в пропасть. Выкурив при общем молчании несколько сигарет, он извлек «кривой стартер» - заводную ручку, и стал крутить. Крутил он минут десять, потом в сердцах плюнул на радиатор и сел на камень, тяжело дыша...

Через пятнадцать минут под «чутким руководством» шофёра все стали крутить по очереди - здоровый Лёша, щуплый Валера, начальник и черно-бородатый Дим Димыч... Только Варю освободили от этой «почетной обязанности», она сидела на камушке и тоскливо смотрела на с силой крутящих «кривой стартер» и что-то шептавших про себя мужчин.

Прошел час, и вода в ручье явно прибывала, а хорошее настроение резко убывало... Если через два – три часа не удастся завести или откатить машину хотя бы на три-четыре метра от ручья, они рисковали надолго остаться на бывшей караванной тропе, а поток воды съёс бы машину в пропасть, за границу, в Афганистан, «на радость» моджахедам.

До ближайшего кишлака было около 60 километров, а если пешком по горным тропам – то километров 10, но кто знал эти тропы? Можно было забрести неизвестно куда, заблудиться и бесследно исчезнуть в Горах.

- Ребята, разгружаем машину, будем толкать, – распорядился начальник.

Лёша нырнул в кузов, стал быстро вытаскивать и подавать «вьючки», палатки, спальные мешки, рюкзаки, мешки с пробами, огромный газовый баллон, ящики с продуктами и посудой. Остальные хватили всё подряд и оттаскивали подальше от машины и ручья. Даже шофер, придя в себя, бросился помогать, хотя это и не входило в его обязанность, обычно при погрузке он придирчиво руководил, что бы весь «груз был размещен равномерно и при бортовой качке не перемещался».

За рекордно короткий срок, всего за двадцать минут, машина была разгружена. Оставались только две двухстолитровые бочки с бензином, намертво «принайтовленные» бывшим моряком Володей, но снять их сейчас не было ни возможности, ни времени.

Ещё несколько попыток завести машину не привели к успеху, она категорически не хотела «заводиться», мотор мертво молчал. Попытки сдвинуть ГАЗ-66 также ничего не дали.

Вода прибывала и была уже по щиколотку. Немного расчистив и выровняв дорогу для машины, убрали из-под колёс камни, и опять стали толкать. Через десять минут пытения и крепких выражений шепотом, удалось немного сдвинуть машину с места, но потом решились на более радикальную, «крайнюю меру» - водитель поставил машину на заднюю скорость и все стали вертеть ручкой по очереди.

Каждый крутил ручку по мере своих сил, делал, всё что мог, а остальные, уже почти по колено в ледяной воде, пыхтя, сопя и скользя по камням, толкали и толкали, и вот машина, под радостные крики и Варино хлопанье в ладоши, стала потихоньку, «пятясь задом», выбираться на берег. Под передние колеса тут же подкладывали камень, чтобы машина не скатилась обратно.

Часа через полтора тяжелейшей работы удалось сдвинуть ГАЗ-66 метра на два, осталось чуть-чуть и было уже попроще, но всё невероятно устали, вымокли до нитки и замёрзли, стуча зубами от ледяной воды ручья, поднимавшейся всё выше и выше. Поток стал уже не журчать, а зловеще

шуметь. Начальник подумал, почесал в затылке, полез в свой «вьючник» и достал бутылку со спиртом.

- Варя, - распорядился он, - всем наливай, без ограничения, но по чуть-чуть! Для «сугрева»! И за работу! Времени у нас час, максимум полтора!

Лёша и шофёр переглянулись и первыми подбежали с кружками. Спирт обжигал, они запили его ледяной водой из ручья. Но даже неразведённый спирт не подействовал, настолько было велико напряжение и усталость...

Однако минут через пять, обычно спокойный шофер, уже мало стесняясь в выражениях, с остервенением крутил ручку, а Лёша и остальные толкали машину, вторя ему. Потом Лёша с шофёром поменялись местами, Варя покраснела, зажала уши и отошла подальше.

Резкий «трудовой порыв» привел к небольшому успеху, машина общими усилиями сдвинулась ещё почти на полметра...

- Варя, наливай! - крикнул шофёр, - Дело пошло! Борис Саныч, разрешаете?

- Ну, раз дело пошло! Главное не простудитесь! -

Они выпили ещё, и Лёша, уже почти по пояс в ледяной воде яростно крутил ручку «кривого стартера», остальные толкали, потом его менял Володя или высокий Дим Димыч. Варечка отошла как можно дальше...

Щуплый Валера, которому вода была уже выше пояса, поскользнувшись, упал в воду, и его чуть не унёс уже бурлящий поток, начальник успел схватить за штормовку, подоспел и Дим Димыч.

- Во, - уже весело крикнул Лёша, - эмигрировать хотел, в Афган!

- Давай за спасение, - предложил шофёр, - осталось полметра, ещё по пятьдесят и всё в порядке!

- Варечка, ещё сто грамм и бутерброд со шпротами! - крикнул, дурачась, Лёша.

- А мне шампанского! «Вдову Клико»! - поддержал шофёр.

Вторая бутылка спирта подходила к концу, когда машина оказалась уже на безопасном расстоянии. Поток воды крутился вокруг колес, чуть на заливая кабину, но был уже не страшен, и, привязав для страховки (больше психологической) за задний крюк машины толстый капроновый канат и прикрепив его к скале, шофер и Лёша, отдуваясь, мокрые с головы с ног, допивали остаток спирта и жадно курили.

Посередине русла бурлила белая пена, и по реке, сталкиваясь, покатались крупные камни, а потом и валуны.

- Успели, - сказал начальник и выпил.

Жгучее горное солнце согрело промокших, Варя быстро приготовила макароны с тушенкой, они выпили ещё фляжку спирта, «зачаленную» Лёшей, расстелили спальники на дороге, на камнях и тут же уснули. Они спали весь день и всю ночь и проснулись рано утром, от рёва двигателя и воплей Володи.

- Завелась, завелась, - кричал он, - сам не знаю почему!

Далее последовал «шлейф» таких «военно-морских выражений», что даже Борис Саныч, в молодости работавший с бичами и старателями, открыл рот от удивления, а лицо Варечки стало ярко-пунцовым.

Воды в ручье почти не было, водитель отогнал машину подальше, «дал газа» и лихо перемахнул ручей. Мотор глушить не стали, перетаскали груз, погрузили в машину. Володя из кабины не вылезал, внимательно вслушиваясь в звук двигателя, но тот работал как обычно, без сбоев.

Через два часа они приехали в кишлак, разбили на окраине лагерь, поставили палатки. Начальник с Дим Димычем договорились с седобородым аксакалом-старейшиной об аренде ишаков и проводнике, и, на следующий день, ранним утром, Борис Саныч, Дим Димыч, Валера и Лёша, в сопровождении трёх ишаков, нагруженных мешками, подростка-погонщика и пожилого таджика-проводника ушли по каменистой тропе в Горы.

Тропа вела и вверх, и вниз, то расширяясь, то сужаясь, и Горы были везде – они были и сверху, и слева, и справа, и даже внизу.

ЗИМА

Снег в этом году выпал рано, на две недели раньше обычного... Ещё вечером была обычная осенняя морось, а утром - слепящая глаза белизна... Тайга резко изменилась, хлопья снега лежали на лапах елей, тишина была удивительной и непривычной после шума обычных осенних дождей, не было слышно звона капель и шума воды.

Кромка воды у берега подернулась тончайшим, прозрачным слоем ледка, но река еще не встала, и можно было пойти ставить сети.

Запас рыбы на зиму был, две с лишним бочки, да ещё вяленая, но «запас карман не тянет», и, сняв сохнувшие сети, он встряхнул их от снега, загрузил в лодку и не спеша стал выгребать на серединку плеса.

Река здесь широко разливалась, было глубоко, течение было очень слабым, и рыбы бывало много, сети можно было бы даже зимой ставить, если лёд не будет слишком большим, долбить лунки в почти двухметровом льду занятие не самое привлекательное.

Напротив, вдалеке, в прозрачном снежном воздухе синели скалы высокого обрывистого берега с торчащими тут и там черными, корявыми елями и лиственницами...

Напарника не было уже неделю, почему-то задержался в Посёлке. Он уже стал беспокоиться - вода спала, и тот мог запросто налететь на камни, перевернуться... А до Посёлка можно было добраться лишь по воде летом, тайга была малопроезжима, мари да скалы, гольцы да расщелины... Зимой ещё можно попробовать дойти на лыжах, напрямик чуть больше ста километров, или по реке, но с её поворотами - все триста, по льду, на «Буране».

Напарник-то и был отправлен за запчастями для старенького, вечно барахлящего «Бурана», а также за бензином, керосином для лампы, кой-какими продуктами, чаем, сахаром, конфетами.

Этот участок, самый дальний, самый глухой, оторванный от всех, он выбрал несколько лет назад. В течение лета лишь однажды, по высокой воде, прошли мимо плотовщики, помахав рукой, а уж люди посетили его всего дважды – один раз на лодках к Посёлку прошли геологи, переночевали, оставили несколько банок сгущёнки, поели ухи и рыбки свежего посола, рассказали, что творится в мире, передали привет от знакомых, подивились одинокому «Робинзону», отсутствия у него радио, рации, да и вообще какой-либо связи с внешним миром... Да ещё недели три

назад специально заехал из Посёлка его друг-начальник из леспромхоза, посмотреть, как и что, как живет, нужна ли помощь.

А он всегда хотел жить один, бирюком, одиночкой, «дикарём», «Робинзоном», и не потому, что не любил людей, нет, просто он всегда хотел быть и жить именно один. Напарника-то ему навязали, как он не сопротивлялся, что мол, нельзя одному жить-зимовать так далеко, что случится – погибнешь. Но напарник на удивление оказался для него идеальным, мастер на все руки, не мешал, молчал и работал, ловил рыбу, готовил на зиму дрова, собирал шиповник, травы и ягоды, сушил и замачивал, они «притерлись» за короткое лето, так что вполне годились для совместной «зимовки». Вдвоём починили крышу избы, утеплили чердак, построили баньку, просмолили лодки, перебрали моторы, приготовили капканы на лису и плашки на соболя, обшили лыжи камусом.

Он привычно поставил сети, подгроб к берегу, осмотрелся. С севера шла снежная туча, сдал задувать холодный, пронизывающий ветерок... И где он шатается, этот напарник, так скоро и шуга пойдет, потом лёд, на моторке не пойдешь, у какой крали поселковой застрял, или впрямь что случилось?

Раньше он был геологом, почти двадцать лет отработал и в этих краях, да и почти по всему Северу, его считали перспективным, пророчили ученую степень и высокие чины, но несколько лет назад он неожиданно для всех уволился из Партии, прибил к рыбацкой артели, проработал несколько путин с рыбаками, научился профессионально ставить и чинить сети, ловить, разделявать, вялить и солить рыбу, три зимы проходил в подручных у дяди Миши, знаменитого местного охотника-промысловика, научился выслеживать лосей, ставить капканы, петли и плашки, выделывать шкурки. Купил себе две лодки, моторы, старенький «Буран», карабин, пристроился в леспромхоз вроде как лесником, выправил промысловое разрешение, построил себе здесь, у Реки, добротную большую избу, и решил обосноваться, если и не навсегда, то уж точно надолго.

Все в Посёлке удивлялись: «интеллигент, учёный, из самой Москвы, и как так можно - всё бросить и уйти в тайгу?!». Но поговорили, да забыли, мало ли по тайге чудаков бродит.

А он просто устал, устал от людей, от работы и вечной суеты, от шума городов, от ответственности и обязательств, полей, партий и забросок, от карт, отчётов, проб, керна и вездесущего плана. В Город ехать категорически не хотел, возвращаться домой, в Москву - тем более, и даже Посёлок с его несколькими десятками домов был для него слишком шумный и суетливый.

И он решил уйти, уйти от суеты, уйти от людей, жить один, как мечтал всю жизнь, зависеть только от себя, от своей работы, от удачи, «фарта», удачного лова и удачного выстрела. Он знал, верил, чувствовал, что не пропадет в глуши, в одиночестве, хотя это и была его первая зимовка вдали от людей, и от неё многое зависело - выдержит ли он физически и морально это испытание, полгода снега и пурги, полной оторванности от цивилизации и полного одиночества.

...Он не знал, что разбитую лодку напарника найдёт через несколько недель охотник-эвенк: вероятно на обратном пути, тот, всего в нескольких десятках километров от Посёлка, на тяжело гружёной моторке налетел на камни, пробил днище и утонул, а разбитые моторы, канистры и мешки унесло на километры по течению бурной Реки...

Он ждал ещё неделю, потом понял, что больше ждать не имеет смысла: «Или испугался, или загулял, или лучше не думать», - в Посёлок он всё равно не пойдёт, надо было готовиться к зиме, к сезону, снег непрерывно шёл уже три дня, резко похолодало, река вот-вот встанет, уже пошла шуга, и вряд ли стоило кого-либо ждать и на кого-то надеяться.

Он остался один, только собака Альма, промысловая лайка, выращенная им еще со щенков, верная и преданная, понимающая с полуслова.

Дрова в печке весело трещали, за порогом стояла темень, выл ветер, керосинка освещала избу... Он пил чай, курил любимую трубку, стругал плашки на соболя, проверил ещё раз капканы, лыжи, патроны, ружье и карабин, и по привычке разговаривал с Альмой: «Вот видишь, псина, снег, пурга, за соболем не пойдешь, а у нас тепло, отдыхаем пока, и всё у нас есть - и рыба, и ягоды, хоть чаю и мало, а мы траву заварим, а сахар вообще вреден, да и сгущёнки чуть-чуть от «геологии» осталось, а скоро и на охоту, глядишь, и сохатого возьмем, с мясом будем». Альма, развалившись на полу и разомлев от тепла, пыхтела, сопела, преданно смотрела в глаза, даже кивала в ответ лобастой умной головой.

Утро было тихим, снега навалило по колено, он быстро собрался, взял плашки, капканы, приманку, карабин, свистнул Альме, которая с удовольствием, повизгивая, валялась в снегу, надел лыжи и пошел в тайгу.

В первый день промысла он решил далеко не уходить, присмотреться, прислушаться. Следов было много, по свежему снегу они легко читались, вот петлял заяц, вот явно мышковала лиса, попадались и соболиные следы. Он поставил несколько петель на зайца, капканы на лису, плашки на соболя, и в середине дня пошел обратно. Река ещё «курилась», лёд встал не по всему руслу, изба издали выглядела совсем нежилой, занесенной снегом, следов, кроме его лыжни и Альмы, не было видно...

Следующим утром день выдался пасмурным, шёл снежок. Он проверил петли и плашки, снял одного зайца и соболя, капканы были пусты. Жить промыслом он не собирался, но не сидеть же в избе всю зиму! Шкурки можно будет потом сдать, купить патроны, да и зайчатина лишней не будет.

К середине дня снег перестал, в тайге было необыкновенно тихо, только скрип снега под лыжами, да шорох его дыхания. Он остановился, снял шапку, прислушался... Тишина была необыкновенной, успокаивающей и он долго стоял, слушая её.

С ели посыпался снег, застрекотала белка, Альма подняла голову, залаяла.

- Тихо, тихо, собака, белковать не будем, нам добыча побольше нужна, нам сохатый нужен!

...В избе было тихо, пахло смолой, дымом, уютом. Он сам её строил. Три года назад ему пригнали по высокой воде солидные бревна, год они сохли, прошлой весной, как только сошел лёд и установилась Река, он привез из Посёлка двух плотников, они за пару недель собрали избу, поставили крышу, прорубили дверь и окошки, срубили сени, сложили печку.

Ещё загодя он запас мох и паклю, тщательно проконопатил все щели, утеплил углы избы, сколотил стол и топчан, навесил полки, вогнал деревянные колышки для всякой всячины. Окошки были невелики, одно выходило на Реку, а второе, поменьше, в тайгу, дверь была низкая, чтоб держать тепло, двери обиты войлоком. Живи, зимуй - холод не страшен, летом прохладно, он уже оценил, а сейчас тепло, хотя настоящих морозов ещё и не было. Печка не дымила, грела равномерно, запас дров был

хороший, так что беспокоиться было не о чем. Он остался один, ему было хорошо и комфортно, и мысли его были спокойны и безмятежны...

Надо было бы натаскать воды, он взял два ведра, дошёл до реки... Изба смотрелась в сумерках, светясь крохотным окошком, как пряничный детский домик. Тихо шуршали хлопья крупного снега, и даже привычного шума реки почти не было слышно.

- Надо бы на днях сети поставить, последний раз, авось кто и попадетя, - сказал он увязавшейся за ним Альме, - три дня назад, помнишь, неплохой улов был, хороших щук взяли. А сейчас-то рыбку и заморозим, а то река-то вот-вот встанет. -

Альма завиляла хвостом-бубликом, чихнула, и радостно побежала впереди, как бы показывая в быстро опускающихся сумерках дорогу к дому.

...Свечка, вставленная в консервную банку, догорала, надо было попить чай, да пораньше ложиться, завтра он хотел уйти в тайгу еще затемно, на весь день, надо было искать лося или изюбра. Он осмотрел избу – на полках в строгом порядке расставлены металлические коробки, цинки от патронов и ракетниц, банки - с крупой, чаем, сигаретами, табаком и махоркой, всё, что могло пострадать от мышей, было тщательно упаковано, на колышках развешены пучки трав и мешочки с сухим шиповником.

- Что ж собака, пора спать, завтра день трудный. -

Он залез в спальный мешок и по привычке тут же уснул.

...За окном была темень, и в избе почти ничего не было видно. В темноте, чтобы не тратить свечей, он растопил печь, попил чаю при отблесках огня, собрался в дорогу. Альма, предвкушая охоту, вертелась под ногами, скулила, и не успел он открыть дверь, как она прошмыгнула в щель, вылетела из избы на улицу и стала радостно прыгать в снегу.

- Ну всё, всё, хватит баловать, пошли, день сегодня длинный и тяжелый.

Тайга синела в предрассветных сумерках, было почти темно, но белый, необычайно белый таежный снег был светел и как бы показывал путь. Он не торопясь прошел около пяти километров, стало рассветать, снег стал серым, лиственницы из черных стали коричневыми, а черные лапы елей – темно-темно-зелеными.

Затрещала сойка, Альма встрепенулась, и стала принюхиваться...

- Ты кого учуяла, Альма? Ищи, ищи!

Альма заскулила, завертелась, и, по брюхо в снегу, побежала в сторону. Сойка трещала ещё сильнее, и тут Альма ткнулась носом в снег, тихо тьякнула, и он увидел свежий лосиный след... Похоже, что лось прошел не больше чем час назад, и имело смысл пойти за ним.

По следу он шел часа полтора, устал, и уже хотел прекратить следовку, как вдруг Альма залаяла. Вдалеке мелькнула бурая туша, голенастые ноги, и Альма, утопая в снегу и заливаясь лаем, бросилась к зверю... Лось остановился, пораженный наглостью маленького существа, явно не пахнущего волком, а Альма лаяла, крутилась около морды сохатого, интуитивно не подходя сзади, так как один удар задней ногой лося мог запросто разmozжить ей голову.

Лось явно не замечал охотника, поскольку был занят Альмой, и он, аккуратно прицелившись, выстрелил... Зверь вздрогнул, зашатался, второй выстрел свалил его...

- Подожди, подожди, Альма, а то как копытом двинет!

Он подождал минут десять, осторожно подошел. Лось был мёртв, уроки дяди Миши не прошли даром, и теперь предстояла тяжелая и кровавая работа - надо было свежевать тушу и тащить в избу.

Всё сразу было не уволочь, он срубил два деревца, наладил что-то типа санок, освежевал и разделал тушу, часть мяса со спины и ноги завернул в шкуру, привязал к саням, между несколькими листовыми досками соорудил что-то типа лабаза, с трудом закинул туда сверток с остатками туши, прикрыл лапником, и так как уже начинало смеркаться, потащил добычу к избе. Альма пробиралась в снегу впереди, и видимо, предвкушая сытный ужин, периодически взлаивала...

- Тихо, тихо, Альма, не шуми, зверье не беспокой.

К избе он вернулся уже затемно, вымотавшийся, уставший, но довольный. Отрезал хороший шмат мяса, поставил варить, а часть, мелко покрошив, положил жариться на огромную сковородку. Отдельно поставил варить царский деликатес - лосиные губы. Что ж, можно было и отдохнуть, попить чай, покурить, подумать...

«...Что ж, мясо теперь есть, завтра притащу остаток, что-то присолю, что-то заморозю, хватит надолго, много ли нам с Альмой надо? Будет оказия, и еще сохатого возьмем, а нет, так и пусть ходит зверь, что лишнее-то брать...».

Он любил охоту не за добычу, хотя именно она сейчас была ему нужна, иначе не выжить, не прозимовать одному в тайге, он любил охоту за то, что можно было часами идти по тайге, видеть как ходил, петлял разный зверь, как кричит сойка, предупреждая, что в тайге чужак, как падает снег с веток от прыжков белки, как прячется любопытный и пугливый соболь. Он не понимал (и так учил его старый охотник-промысловик дядя Миша), как можно ходить на охоту, на зверя, на лося, оленя, кабана большой компанией; ведь охота - это когда ты один выслеживаешь зверя, пытаешься его понять, обмануть, перехитрить, когда ты с ним один на один... И только тайга и тишина... И есть вероятность, что в этой битве со зверем победишь не ты, и охота нужна не для того, чтобы «просто так», ради «отдыха», развлечения «взять» добычу, как это принято у городских охотников, а для того, чтобы была еда, пища, возможность выживания.

Пока ужин шкворчал и варился, он сходил за водой, прикинул, что делать с оставшейся лосятиной, приготовил и промыл бочонок для засолки мяса, проверил санки, сделанные ещё летом.

Трапеза его затянулась, и было уже полночь, а завтра опять в тайгу - надо проверить капканы, забрать мясо, разделывать, солить, морозить, работы много. Он подкинул дров в печку, лег на топчан и моментально уснул.

Следующий день его порадовал, в капкан попал лисица, снял двух соболей и двух зайцев, мясо в «лабазе» оказалось не тронуто, росомаха не добралась. Вторую половину дня он возился с разделкой и заморозкой, убрал до весны на чердак сети, река уже стала замерзать, натаскал воды и не заметил, как настал вечер. Часов у него не было, он специально их не взял, да и не нужны они здесь, где живешь без времени, точнее вне его, от утра до вечера, от сумерек до сумерек, в постоянной работе. Сегодня не сделаешь, а завтра поздно будет.

На следующий день надо было обезжирить и обработать шкурки и шкуру лося; он провозился с непривычки целый день, но всё сделал, проскоблил, помыл в избе пол, шкуру лося растянул на стенке в сенях, и

решил на следующий день устроить себе отдых, протопить баню. Зима брала своё, было уже холодно, морозы наступали.

- Надо же, ещё вроде октябрь, а уже холод такой, и что же дальше будет? Выдержим, Альма, не замёрзнем?

Альма тихо гавкнула, завиляла хвостом.

- У тебя «шуба» теплая, да и у меня доха найдется.

Он уже начал терять чувство времени, не помнил, какой день недели, даже с трудом вспомнил, какой месяц. Но и это не имело значение, ему казалось, что он живет здесь уже очень давно, может даже несколько лет, а эта зима будет бесконечна, и до лета очень-очень далеко, но при этом он чувствовал комфорт и спокойствие.

Вокруг никого, на сто с лишним километров непроходимой тайги и гор - ни единого человека, но тишина и одиночество его не угнетали, а наоборот, придавали силы, энергию, и он понимал, что его жизнь зависит только от него, и хотя случайности в жизни есть всегда, но сейчас, имея опыт выживания и жизни в глуши, он скорее зависит не от воли случая, а лишь от себя.

Очередное утро - проверка ловушек и капканов, потом возня по хозяйству, лёд на реке окончательно встал, надо было продолбить прорубь, и постоянно её расчищать, топить баню раз в неделю, скучать было некогда.

Шли дни и недели, он настолько привык к одиночеству, что уже и забыл, что где-то есть Большой Мир, где-то живут Люди со своими вечными проблемами, ссорами и шумными разговорами, грязью, грохотом, теснотой и стрессом Города. А здесь - только он и собака, снег и тайга, и его избушка, затерянная в этой непроходимой тайге, в лиственницах, елях и кедрах, в зарослях стланика, в скалах, гольцах, и ручьях, и может случиться так, что весь Мир погибнет, и забудут про него, отшельника, ушедшего от людей, и он до конца отведенного ему судьбой срока не узнает об этом, не увидит Людей, не поговорит ни с кем, кроме самого себя и Альмы. Но и это не трогало, не пугало, не волновало его душу, да и не хотел он встречи с Людьми, даже мог бы и испугаться этой встречи - настолько, за чуть более три месяца одиночества, он отвык от общения, от «цивилизации», от всего того, что окружает Человечество, и даже небольшой Посёлок, где жил таежный люд - охотники, рыбаки да лесорубы - в его воспоминаниях казался ему огромным, шумным и несуразным.

Как-то ночью Альма вскочила, залаяла у дверей. Он зажег керосинку - шерсть на загривке собаки стояла дыбом, она злобно рычала и лаяла, но наружу не просилась, а за стеной избушки кто-то ходил, и явно это был не человек. Кто мог в такой мороз, стужу, пургу, подойти к избе, какой зверь? Или росомаха, но они осторожны, да и по ночам не ходят, выжидают, когда все уйдут, чтобы влезть в избу и похозяйничать, ещё мог быть медведь-шатун, да волки. Он взял фонарик, которым пользовался редко, экономя батарейки, зарядил карабин, осторожно вышел в сени, приоткрыл дверь, осветил. В снежной круговерти метнулись несколько фигур, мелькнул отблеск зеленых глаз. «Волки, да много, окружили избу, мясо в сенях чувят, хотят добраться, оголодали... Ну ничего, не войдут», - он закрыл дверь, тщательно запер на щеколду, и спокойно пошёл спать. Альма всю ночь ворчала и рычала - он прикрикивал на неё, вероятно, волки кружили у избы до утра.

Утро было тихим, на снегу виднелись полузасыпанные следы волков, Альма долго вынюхивала следы, рычала и влаивала.

- Ничего, ничего, собака, если этой ночью опять придут, будем стрелять, это наше мясо, мы его добыли, тащили, и с волками делиться не собираемся!

Ночью волки опять бродили у избы, он постоянно просыпался из-за лая Альмы, а утром увидел, что стая вертелась неподалёку, явно не боясь ни человека, ни собаки. Для острастки он выстрелил в воздух, волки исчезли, но вскоре опять замелькали вдалеке. «Что ж, придется стрелять, а то не отвадишь». Он вспомнил, что в Посёлке зимой волки часто подходили к домам, на людей, правда, не нападали, но зазевавшуюся собаку вполне могли утащить.

Вечером он приготовил карабин и фальшфейеры, проверил ружьё, зарядив патроне, и стал ждать.

...Альма заворчала, наострила уши, шерсть на её загривке встала дыбом... «Так, пришли волки, пора...». Альму он привязал, чтобы не бросилась на волков – разорвут, приоткрыл дверь, фальшфейер осветил темень. Около избы бегало с десятком зверей, зеленые глаза отсвечивали, и ему даже стало жутко: один неверный выстрел, одна ошибка и всё, его одиночество закончится, так толком и не начавшись.

Волк, огромный, раза в два больше Альмы, бросился к нему, но выстрел патроне его свалил, стая остановилась в нерешительности, он снова выстрелил, свалив ещё одного волка, и увидел, что стая отступает.

Всю ночь он не спал, ожидая нападения, но видимо умные звери поняли, что его просто так не взять, и ушли...

Утром он посмотрел на убитых волков, один был просто огромен, таких он никогда не видел, матерый, с громадными клыками. Что ж, подумал он, вот и ещё две шкуры, можно будет себе и безрукавку сшить...

День он провозился со шкурами волков, ободранные туши погрузил в волокушу и на «Буране» отвез подальше, по Реке, чтобы не привлекать зверя. На обратном пути остановился и долго смотрел на тайгу, скалы, замерзшую Реку, слушая безграничную тишину.

Так шли дни, недели, он ходил проверять ловушки, где-то в середине зимы провел ревизию продуктов, был рад и удивлен, что использовал их даже меньше, чем ожидал, понял, что стал гораздо меньше курить; что припасенные им рис, гречку, пшено, да и сахар, он употребляет очень мало, вместо чая пристрастился к различным травам и ягодам, которые он засушил и заготовил летом, ел в основном рыбу да лосятину, иногда зайчатину.

«Да, совсем «оробинзонился», как наши предки стал, рыбка, мясо, да трава в заварке!». Его порадовало то, что он не выживал, терпя лишения и трудности, а именно жил, жил спокойно и неторопливо, дни были заняты то охотой, то выделкой шкурок и домашними хлопотами. Удача или точный расчёт, а может и главное - одиночество, мобилизация всех его сил, надежда только на себя, готовность к лишениям и испытаниям, да и заранее приготовленные, рассчитанные запасы, отсутствие нервозности и стресса, давали возможность спокойно жить одному. И это была не борьба с природой, борьба за существование, а именно просто жизнь, жизнь одного человека в глуши, в тайге, в непролазном снегу, в пургу и снегопады.

Наступили сильные морозы, по ночам изба трещала от холода, но не промерзала, печка тянула исправно, запаса заготовленных, нарубленных дров хватало ещё надолго.

Он совсем забросил свой дневник, куда раньше по привычке ежедневно или раз в несколько дней заносил краткие сведения о том, что было им сделано, какая погода, что произошло.

Но теперь ему это было неинтересно, он открыл дневник, почитал ранее написанное, занёс несколько строчек, и с удивлением понял, что пальцы его огрубели, что держать карандаш тяжело и неудобно, да и писать было не о чем, мысли не просились на бумагу, они были сами по себе, и не нужно было изливать свою душу на белые листы бумаги, описывать события, чтобы потом их анализировать и не допускать ошибок. Да и если бы он сейчас ошибся, то это могло быть его последней ошибкой. Он закрыл дневник, положил его на полку, и вскоре забыл о нём.

Дела, дела, ежедневные хлопоты были важнее мыслей на бумаге, скучать было некогда; нет, он понимал, что не одичал в глуши и одиночестве, он помнил наизусть страницы книг, которые читал когда-то, иногда он про себя, да и вслух, декламировал стихи, разговаривал с Альмой, его интеллект за месяцы одиночества не пострадал, скорее наоборот, пришла некая философская уверенность в правильности выбранного им пути, и если перед зимовкой и были какие-то сомнения, то теперь они полностью исчезли...

Постепенно дни становились длиннее, но однажды, в феврале, пурга закрыла его в избушке на пять дней, мело так, что нельзя было отойти на несколько метров, дверь несколько раз приходилось откапывать, а один раз даже пришлось вылезать через люк в потолке и чердак.

Весна пришла незаметно, снег ещё лежал, но яркое солнце и длинный день, после зимней тьмы и снежной круговерти, радовали его, время снегопадов прошло, днём над снегом был наст и Альма резала лапы, да и ему на лыжах ходить стало трудно, наст ломался, а под ним - рыхлый снег с водой, однажды провалился чуть не по пояс, и он уже почти не ходил на охоту, тем более и сезон уже заканчивался.

За зиму он добыл пару десятков соболей и несколько куниц, взял в капканы пять лис, в петли - несколько зайцев, убил росомаху, которая несколько дней шаталась у его избы, добыл ещё одного лося. Из волчьих шкур он сшил себе безрукавку на зиму и осень, из заячьих - на весну и лето, из лисьей шкуры - шапку, и хотя были они пошиты немного кривовато, да и швы были не совсем ровные, он был очень горд своим портняжим искусством. Лосиную шкуру повесил над топчаном, другую бросил на пол, вместо ковра, оставшиеся шкурки можно летом сдать, купить патроны, да и зарплата наверное за зиму в леспромхозе накопилась... Но когда он подумал о «цивилизации», о том, что придется ехать в Посёлок, то даже расстроился, несколько дней ходил печальный, всё валилось из рук, но потом прикинул, что и керосин нужен, и бензин для моторов, свечи, батарейки и патроны, да и запчасти для «Бурана», именно то, что не привез прошлой осенью исчезнувший напарник. Он вспомнил о нём, и стало грустно, наверное, вдвоём было бы зимовать легче и веселей, но раз уж так вышло, раз он сам выбрал свою судьбу одиночки, «Робинзона», значит, так и должно было быть.

- Что ж, Альма, придётся всё же идти «в цивилизацию», что поделаешь, на следующий год сделаем запас побольше, да и не появимся в Посёлке года два-три, а там, глядишь, и забудут! -

Он вполне бы мог остаться на лето один, опять ловить и солить рыбу, запас грубой соли был большой, да и с прошлого года ещё рыба

осталась, была и лосятина, которую он проявлял на ярком весеннем солнце, остались запасы крупы и сахара.

Однажды утром он проснулся от грохота, выбежал из избы и увидел, что это пошел лёд; ломая и кроша льдины, грохотала Река, он понял, что наступила Весна, скоро, очень скоро можно будет заводить сети, да и съездить на пару-тройку дней в Посёлок, а может и готовиться к приходу гостей.

На лето дел было много, надо было заготавливать дрова, собирать, сушить и замачивать ягоды, сушить травы. Надо было проверить крышу избы, подправить оторванные лютыми зимними ветрами дранки, проконопатить кое-где щели. Так что Лето пройдет быстро и незаметно, а там снова короткая Осень и длинная, снежная Зима, и снова яркая бурная Весна и снова Лето. И пройдут месяцы и годы, и он будет жить здесь, в своей избе, ходить в тайгу, охотиться, ловить рыбу, разговаривать с собакой, и ему не будет нужен Большой Мир.

Через две недели он спустился вниз по реке в Посёлок, подивился шуму, лаю собак и человеческому разговору; на него смотрели как на некое чудо, надо же, и перезимовал один, и жив-здоров, да ещё и шкурки привёз. Расспрашивали, как жил-зимовал, приглашали на чай, угощали куревом... Он сначала больше молчал - отвык от разговоров, но всё же рассказал - и про лосей, и про росомаху, и про волков, а безрукавку на нем видели все, щупали, цокали языком, хвалили. Узнал он и печальную, уже давнишнюю новость про напарника.

Он сдал шкурки, купил патроны, приобрёл кое-что из продуктов, с расчетом на пару-тройку лет, договорился, что привезут на днях бензин, керосин, свечи да гвозди.

Утром они с дядей Мишей долго сидели на берегу Реки, пили чай и молчали, тот только сказал:

- Ты, парень, тайгу любишь, поэтому она тебя и приняла, а так бы сгинул, многие сгинули, а ты лишнего не берёшь, ты не жадный, сам живешь, своей головой... И живи, раз так решил... Наведаюсь-ка я к тебе летом-то, посмотрю, как живешь, однако. В гости-то ждешь?

- Да, приезжай, дядя Миша, посмотри, как я устроился, может и сам так жить захочешь.

- Да нет, старый я, кости болят, ползимы на печке пролежал, да и куда я от своей старухи... А ты, парень, молодец, не испугался, один перезимовал... Дай Бог тебе и дальше удачи!

Они попрощались, он завел мотор, вывел лодку на середину реки, дядя Миша долго стоял и смотрел ему вслед слезящимися глазами, пока не затих звук мотора... «Однако, парень настоящий таёжник. Удача ему будет!».

...Он добрался до избы уже поздно вечером, разгрузил лодку. Изба встретила его привычной тишиной, запахом жилья и дыма, это был его дом, его Маленький Мир, его Микрокосм. Он развел костер, чтобы не протапливать избу, вскипятил чай и поужинал.

Его Мир был таким, каким он сам его создал, и следующее Утро будет таким же, и День и Вечер, и много Месяцев, и даже много Лет, но это был именно его Мир. И с этими мыслями он уснул в прохладной, пахнущей деревом избе, и завтра его ждали дела, сети и рыба, и послезавтра, и через несколько дней, но не было ничего одинакового, и дни не были похожи один на другой, они все были разные. Он спал, и спала тайга, спала, повизгивая во сне, собака Альма...

И разные были его Мысли и Сны, и он знал, что это и есть его Судьба, и это его Одиночество, и это его Жизнь, и его Удача. И так будет всегда, и будет и тайга, и гольцы, и скалы, и тишина снега и вой зимних вьюг, и яркое лето, и трепещущая на дне лодки рыба, будет и соболь, и следы сохатого на снегу. И это не закончится никогда, пока не кончится его Мир, а его Мир бесконечен, бесконечен как Тайга, как вода в Реке и как сама Жизнь.

СТЕПЬ

Жара выматывала.... Хотелось пить, но теплая, даже почти горячая вода из фляжки жажду не утоляла, и была просто противной на вкус, отдавая железом. Найти бы тень, отдышаться, да и отдохнуть часок. Лямки рюкзака резали плечи, в зените раскаленным белым шаром висело обжигающее солнце Казахстана.

Степь была выжжена июльским солнцем, ветер гнал струйки пыли, вдалеке крутились маленькие пылевые смерчи. Жаркое марево искажало горизонт, и над красной и серой глиной, такырами и белыми солончаками плоской, как стол, Бетпак-Далы, возникали миражи – перевернутые колышущиеся деревья, горы и ... вода.

Вдалеке, за несколько километров, виделись призрачно искаженные белые домики и ветряк метеостанции – единственного жилья на двести с лишним километров.

Он шёл вдоль узкого высохшего русла, с редкими лужицами грязно-бурой воды, поросшими выгоревшей травой. Надо было выйти на место старой буровой, где ещё сохранились несколько разбитых ящиков с керном, отобрать образцы и вернуться на метеостанцию, где и базировался отряд. Он уже обошел сегодня с утра, выйдя ещё на рассвете, несколько старых скважин, и отобрал образцы из куч рассыпанного керна. Машина капризничала и перегревалась на чудовищной жаре, поэтому решили не рисковать, шофер решил кое-что подремонтировать, «продуть шланги», как он выразился, начальник в прохладе домика метеостанции рисовал карты. А он решил походить, посмотреть степь и отобрать образцы, так как делать было всё нечего, а на одном месте он долго сидеть не любил.

Когда несколько дней назад они приехали к метеорологам, те были несказанно рады и безмерно удивлены, так как уже месяца три вообще не видели людей. Жить в этих местах постоянно могли только те люди, которые явно не хотели цивилизации и жаждали экстремальных ощущений. Летом жара под 60, зимой морозы до минус 50 и сильнейшие, сбивающие с ног ветра, осенью, с конца августа по октябрь начинались пыльные бури, и без противопылевой маски и защитных очков из дома порой выйти было нельзя, пыль застилала солнце и оно светило тусклым багровым шаром, иногда днем был даже сумрак. Такие дни метеорологи в шутку называли «марсианскими сумерками». Единственное время года, когда было комфортно – это весна, март и апрель, когда ярко зеленела и цвела степь, появлялись тюльпаны, маки, ирисы и дикий лук, на мелких, еще не высохших озерах, гнездились тучи птиц, кочевали огромные стада сайгаков, днем было не жарко, а ночью прохладно.

Четыре человека жили на метеостанции уже почти два года, веселой и сплоченной компанией. Они вместе учились, закончили географический факультет МГУ, потом ещё и курсы радистов и метеорологов, и решили для экзотики и «проверки своих душевных, нравственных и физических сил» поехать именно сюда, в безводные, выжженные солнцем глинистые степи и солончаки северо-западной Бетпак-Далы.

У них была артезианская скважина, с немного солоноватой, но вполне пригодной для питья водой, ветряк и три домика. Станция была рассчитана на 6 человек, но найти «жаждущих» жить и работать здесь круглый год, было очень непросто, и когда местное «метеона начальство» узнало о желании молодой веселой компании трудиться именно здесь, на оторванной от всего мира метеостанции, радости не было предела. Дали много дефицитных продуктов, разную крупу, консервы, тушенку, сгущёнку, хороший чай, большой запас воды в жестяных банках, привезли даже запасной генератор и новый мотоцикл «Урал», несколько бочек с горючим, а пообещали, конечно, ещё больше. Сводки с этой метеостанции были очень важны, в 500 километрах был Байконур, и ребята ночами часто любовались запусками ракет.

Однако через год обе машины сломались, барахлили и два мотоцикла, также требующие ремонта, а запчастей они ждали уже почти с полгода... Но весёлые метеорологи не унывали, вода была, запасов продуктов было достаточно, да ещё и немного охотились, иногда удавалось прикупить или поменять барана-другого у кочующих и перегоняющих стада казахов. Да и ходить тут особо было некуда, а зимой и осенью, да и летом, вообще небезопасно, можно было попасть в снежный буран, пыльную бурю, или провалиться, проломив высохшую корку такыра в вязкий, соленый и вонючий солончак. Километрах в тридцати-сорока было полузаброшенное отделение какого-то колхоза, но оно почти все время пустовало.

Но скучать ими было некогда, каждые 4 часа, а иногда и каждые два часа (если поступало распоряжение «свыше») в любое время суток и в любую погоду они выходили на площадку и снимали показания приборов - температура, влажность, скорость и направление ветра, видимость, эти данные сразу же передавались на «Большую землю». Четыре человека работали посменно, по 6 часов, всегда помогали, а если что, и сменяли друг друга. Они были молоды, веселы, независимы, и что удивительно, ни разу не поругались. Тяжелое однообразие жизни в этих экстремальных условиях, на этой плоской и пыльной красноватой равнине, с белесыми пятнами солонцов и солончаков, без единого деревца, где и глазу-то негде отдохнуть, привело к ещё большей сплоченности.

Жить, тут, конечно, было нелегко, кто-то мог и заболеть, что-то могло случиться, были здесь и змеи, гюрза и рогатая гадюка, было чудовищно палящее солнце, были пыльные бури и ураганы зимой. Случись что – они могли бы, конечно, вызвать санитарную машину из поселка, расположенного за 200 километров или военный вертолет, но в бури и бураны путь к ним был закрыт, а зимой, в заносы, пробраться мог только трактор. Но за два года ничего не трагического не произошло, и четыре друга весело, с песнями, которые сами и сочиняли, брэнча на гитарах, «тянули лямку», мечтая, что через годик поедут отдохнуть к морю, а потом можно «двигать» и в Заполярье, позимовать года два-три на заметной снегами полярной метеостанции, а потом податься в горы, на Памир или Тянь-Шань и поработать там «годок-другой».

«И как ребята здесь живут, в этой глуши?», думал он, бредя к уже видневшейся в мареве, одиноко торчащей ржавой трубе, обозначающей скважину. «Всё одно и то же, нет, я бы не смог, я ездить люблю, а здесь ездить - не ездят, на триста километров глина да пыль... Красиво, конечно, экзотично, но скучно. Нет, Мангышлак гораздо интересней, гораздо! И там тень есть, кое-где...».

С этими мыслями он подошел к трубе, заглянул внутрь, плюнул, что-то крикнул, отозвалось эхо. Поразвлекавшись так несколько минут, он сел в тонкой и короткой тени трубы, глотнул противной горячей воды и закурил...

Посидев, и выкурив пару сигарет, он ещё раз промочил горло глотком воды и, мечтая о теньке и горячем зеленом чае, принялся разбирать разбросанный керн. Понято, что ни о какой буровой колонке говорить не приходилось, ящики были давно разбиты, а доски унесены ветрами или чабанами на топливо, но схема скважины была в отчетах, надо было только найти гипсоносные и целестиноносные слои. Год назад они объездили весь Мангышлак как раз на поиск целестина и стронцианита, набрали и привезли в Москву с тонну образцов, причем часть тут же забрали в музей, а в этом году решили поработать здесь, в Бетпак-Дале.

Минут через сорок он закончил работу, уложил образцы керна в рюкзак, посидел ещё немного, покурив, посмотрел на безоблачное бледно-голубое, выцветшее небо, на белое раскалённое солнце, на миражи и пылевые смерчи, на синеющие и мерцающие где-то очень далеко на востоке сопки, не торопясь поднялся, огляделся вокруг, и пошел к домикам метеостанции. Под ногами ломались тонкие корочки глины, легкую красноватую пыль тут же уносило ветром, сверкая на солнце, блестели кристаллики гипса. «Прямо-таки марсианский пейзаж, только солнце белое, а не красное», подумал он. Метеорологи рассказывали о бывающих здесь чудовищных пыльных бурях, когда солнце еле-еле проглядывало через тучи пыли и песка, и казалось маленьким красным шариком, а саму пыль забивало через любые, самые мелкие щели.

Он прошёл уже больше полпути, белые домики стали ближе, и даже было видно, как крутятся лопасти ветряка. Впереди был небольшой солончак, его можно было обойти, но не хотелось, и он самонадеянно пошел напрямик.

...Глинистая корка проломилась, он не успел даже испугаться, как по колено оказался в вязкой грязи. Солончак был не очень глубокий, но выбраться из него было очень трудно, рюкзак тянул вниз, сапоги застревали в черном, тошнотворно пахнущем сероводородом месиве. Он с трудом снял тяжелый рюкзак и с усилием отбросил его вперед. Стало полегче, надо было как-то выбираться из этого солончакового болота, но корка глины ломалась под руками, и он с ужасом почувствовал, что продолжает погружаться в грязь!

...Его прошиб холодный, леденящий пот, необычный, странный на этой жаре. Через несколько минут он пришел себя, и, преодолев минуты страха и холод ужаса, лег на спину, раскинул руки, и попытался осторожно, не делая резких движений, немного высвободить ноги. Ценой одного сапога ему это удалось сделать, и он стал осторожно перекатываться, ломая корку глины, весь перемазался в грязи, но выбрался, отполз от пробитой им самой ловушки, добрался до рюкзака, и, волоча его за собой, так же, ползком, обжигаясь о раскаленную глину, и чихая от пыли, стал отползать к краю солончака.

...Ветер и солнце быстро высушили грязь, он долго сидел и курил, его била дрожь, он жадно пил горячую невкусную воду, и вдруг понял, что за эти минуты перед ним прошла вся его жизнь. Вообщем-то смертельного ничего не было, солончак, скорее всего, был неглубоким, но кто знает, сколько часов ему пришлось бы провести на этой чудовищной жаре, пока его хватятся и поедут искать, а грязь быстро высыхала, превращаясь в подобие цемента и очень крепко держала жертву. Он несколько раз видел торчащие в солончаках рога сайгаков и черепа заблудших баранов, они не смогли выбраться из этих солончаковых ловушек, а бывали случаи, что и машины проваливались в эти грязевые болота, поэтому от белесых пятен обычно старались держаться подальше. Что ж самонадеянность губит и это будет ему уроком, но как идти ещё километра три в одном сапоге? Вот смеху-то будет! Он как смог счистил с себя высохшую зловонную грязь, обмотал вторую ногу мешочками для проб, и, прихрамывая, пошёл к метеостанции...

Веселая компания встретила его дружным смехом, шофер, сморщившись, демонстративно махал перед носом рукой, вышел и начальник, покачал головой, и только сказал: «Что ж, живой, здоровый и ладно... Я сам однажды попал в такую «лужу», еле вылез, чуть сам не утонул и образцы утопил, а ты, смотрю, принес. Молодец! Геолог спасает сначала образцы, а потом себя! Был такой неписанный закон, давно, тебя ещё и на свете не было! Давай, мойся, будем чай пить и расскажешь, что принёс, что видел!».

Он долго мылся под струей воды, стирал одежду и рюкзак, потом долго пил чай и, уже успокоившись, рассказывал, под общий смех и комментарии, как вылезал из черной вязкой грязи.

А через несколько лет он услышал от кого-то историю, что, то ли в этих же краях, то ли на соре Мертвый Култук, что на Мангышлаке, в огромный глубокий солончак провалилась машина, и все погибли, несколько человек, они не смогли выбраться...

И он вспомнил холод, прошедший по его спине и ледящий ужас смерти при палящем белом шаре солнца в выцветшем бледно-голубом небе.